

**ВЛАДИМИР
НОВОСЕЛЬЦЕВ**

КРЕМЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ

**КРИЗИС
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ**

Владимир Степанович Новосельцев Кремлевская власть. Кризис государственного управления

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17312638

Кремлевская власть. Кризис государственного управления: Алгоритм; Москва; 2012

ISBN 978-5-4438-0180-3

Аннотация

Более двадцати лет Россия словно находится в порочном замкнутом круге. Она вздрагивает, иногда даже напрягает силы, но не может из него вырваться, словно какие-то сверхъестественные силы удерживают ее в непривычном для неё униженном состоянии. Когда же мы встанем наконец с колен – во весь рост, с гордо поднятой головой? Когда вернем себе величие и мощь, а с ними и уважение всего мира, каким неизменно пользовался могучий Советский Союз? Когда наступит просветление и спасение нашего народа?

На эти вопросы отвечает автор Владимир Степанович Новосельцев – профессор кафедры политологии РГТЭУ, Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке.

Содержание

Вместо вступления. Размышления о кризисе государственного управления в России	5
Часть I. Либеральный большевизм как догма	9
Первое правительство Ивана Силаева	9
Откуда взялся Егор Гайдар?	11
Первое явление либерального большевизма	13
«Крепкий хозяйственник»	19
Правительственная эпилепсия	22
Стратегия развития без развития	25
Обреченная реформа	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Новосельцев

Кремлевская власть. Кризис государственного управления

© Новосельцев В. С., 2012

© ООО «Издательство Алгоритм», 2012

* * *

*Автор выражает сердечную благодарность супруге Вере
Ивановне, сыну Евгению, Сергею Алексеенко за поддержку в издании
этой книги*

Вместо вступления. Размышления о кризисе государственного управления в России

Более двадцати лет Россия словно находится в порочном замкнутом круге. Она вздрагивает, иногда даже напрягает силы, но не может из него вырваться, словно какие-то сверхъестественные силы удерживают ее в непривычном для нее приниженном состоянии. Когда же мы встанем наконец с колен – во весь рост, с гордо поднятой головой? Когда вернем себе величие и мощь, а с ними и уважение всего мира, каким неизменно пользовался могучий Советский Союз? Когда наступит просветление и спасение нашего народа?

Если задумываешься над будущим, нет ничего полезнее, чем хорошенько взглянуть в прошлое. Так и я в поисках ответов на эти непростые вопросы предлагаю обратиться к творчеству выдающегося русского философа Н. А. Бердяева. В 1922 году Николай Александрович, не разделяя идей советской власти, выехал из СССР с группой ученых и писателей (речь о так называемых «философских пароходах»). Впоследствии стал третьим представителем России – после И. С. Тургенева и П. И. Чайковского, удостоенным звания доктора в Кембридже.

Размышляя о судьбе русской революции, Н. А. Бердяев писал, что советская власть оказалась единственно возможной в России в момент разложения войны, которой русский народ не имел силы вынести, в момент духовного упадка и экономического разгрома, в момент ослабления нравственных устоев. «Народ находился в лживом состоянии и создал лживую власть. Только большевизм мог как-нибудь организовать и сдержать раскованную им демоническую силу. Истинный принцип власти был утерян. Жалкая и бессильная роль временного правительства показала, что власть не может быть организована на гуманистических началах, не может быть либеральной и демократической, не может быть и социалистической в умеренном гуманном духе... Большевики не столько создали эту грубую жизнь, грубый способ властвования, сколько отразили и выразили совершившееся огрубление народной жизни. Власть, которая пожелала бы быть культурной, не могла бы существовать, если бы не соответствовала состоянию народа. Культурный слой, более утонченный, верный традициям, не мог более господствовать в России. Бог как бы передал власть большевикам в наказание за грехи народа».

Глубокий анализ причин революционных событий в России, проведенный исследователем, еще раз подтверждает его великолепный аналитический ум, знание истории и народных традиций, способности видеть перспективу развития.

Размышляя над выводами великого русского мыслителя, «примеряя» их к нашей недавней истории, легко заметить, что они представляют собой, по сути дела, универсальный закон соответствия власти и народного духа, национального самосознания. Весь ход событий в стране, особенно в эпоху горбачевской перестройки, а затем в последующие годы ельцинизма и путинизма, подтверждает непреложную истину – власть, переставшая соответствовать народным чаяниям, власть, чьи интересы лежат вне глубинных понятий народа о Добре и Справедливости, – такая власть будет упразднена и «передана Богом» тем, кто будет в большей мере соответствовать народным представлениям (полное тождество, скорее всего, невозможно). Итак, рассмотрим события последних тридцати лет под углом зрения Н. А. Бердяева.

Мы видим в эти годы значительный экономический и духовный упадок, разрушенную систему властвования, огрубление народной жизни, необъяснимое рационально глумление над традиционными нравственными устоями. Эти явления создавали новую, поистине сатанинскую силу, которая, после нескольких десятилетий устойчивого и прогрессивного разви-

тия страны, раскалывала единство и сплочение народов, ослабляла духовность и толерантность в обществе. Представители этих постыдных сил, прикрываясь лозунгами гласности, нового мышления, гуманного социализма, демократии и плюрализма, создавали на самом деле лживую власть, способную на любые, даже преступные, действия для разрушения основ социализма.

Надо сказать, что ядовитые семена «прорабов перестройки» и «агентов влияния» (зачастую в одном и том же лице) падали на подготовленную почву. Многие слои общества были недовольны экономической политикой Горбачева. Ее стратегия менялась почти ежегодно, под конец – ежемесячно, и расшатывала все отрасли экономики и сферы управления.

Бездумные, но шумные кампании – ускорение, «радикальные» реформы, дутые модели хозрасчета и самофинансирования – скандально проваливались одна за другой. Благосостояние народа неуклонно снижалось. Доверие простых людей к политике Горбачева улетучивалось. Проблема состояла в том, что Горбачев и его команда выступали от имени КПСС, поскольку состояли в руководстве партии, и их провалы отождествлялись в общественном сознании с провалами социалистического проекта в целом. Вот пример: сегодняшняя молодежь, обработанная телевидением, уверенно утверждает, что при социализме «ничего не было», хотя люди постарше прекрасно помнят: пустые полки в магазинах относятся к эпохе «позднего Горбачева»...

Во внешней политике отвращение вызывало трусливое заискивание Горбачева перед Западом и Америкой, его отступничество в стратегических вопросах ядерного разоружения; односторонней, до конца не понятной до сих пор позиции в вопросе объединения Германии, когда было совершено предательство национальных интересов СССР, а также многие другие абсурдные действия, вроде добровольной передачи американцам огромной дальневосточной акватории (а с ней – и шельфа, содержащего гигантские запасы углеводородов) по соглашению Шеварднадзе – Бейкера. Они низвергали в сознании советских людей истинную цену Великой Победы, завоеванную ценой миллионов жизней; они унижали национальное достоинство наших людей и постепенно внедряли в общественное сознание, как за рубежом, так и в наших пределах, отношение к Советскому Союзу не как к великой державе, державе-победительнице, а как к второстепенной державе, хоть и обладающей ядерным оружием, но существенного влияния на мировую политику не оказывающей.

Всеми пропагандистскими средствами отрицались и шельмовались наши достижения в мировом развитии и мировой политике, отрицалось и осмеивалось чувства советского и, в особенности, русского патриотизма; уважения к истории своей страны, к вековому духовному наследию русского народа. Всему этому противопоставлялся «прогрессивный» либерализм и гуманизм западного толка, из всех щелей начали вылезать ниспровергатели «всего и вся», которые стали идейными вершителями горбачевской гласности.

Эти важнейшие негативные факторы расшатали кредит доверия народа к компартии и власти, послужили питательной средой для нейтрализации созидательной и духовной энергии советских людей. Для многих из них время как бы остановилось. Положение усугублялось тем обстоятельством, что продолжалось открытое противостояние между Горбачевым и Ельциным. Даже угроза распада СССР не останавливала этих оголтелых карьеристов в борьбе за обладание реальной верховной властью.

Б. Н. Ельцин, проявляя исключительную наглость и агрессивность, с помощью небольшой, но сплоченной группы поддержки сумел одержать победу в манипулировании общественным сознанием людей и их надеждами на улучшение жизни. В арсенале его и его окружения были (и без зазрения совести всюю использовалась) не только заведомая ложь, но и такие методы борьбы, как подкуп, предательство, шпионаж. И все это при щедрой информационной и финансовой поддержке со стороны спецслужб США и ведущих европейских держав.

Переломные события того периода казались, на первый взгляд, неожиданными, и развивались как в голливудском детективном ключе. На самом деле они были хорошо срежиссированы, просчитаны и помогали Ельцину поставить в итоге мат Горбачеву. Ах, если бы это была на самом деле лишь шахматная партия!

Ельцин постоянно консультировался с американцами, широко пользовался их рекомендациями, отточенными на десятках переворотов, организованных ЦРУ во множестве стран мира. Так было во время так называемого августовского путча, так случилось во время сбора в Вискулях, когда о развале СССР Ельцин первым сообщил не Горбачеву, что было бы логично, а тогдашнему президенту США Д. Бушу-старшему. Мне думается, что нечто подобное имело место и еще раньше, в ноябре 1990 года, когда Ельцин подписал договор с Украиной о суверенитете и тем самым утвердил окончательную потерю для России ее исконных территорий – Крыма и Севастополя.

О манипулировании общественным сознанием наших людей в тот период издано немало исследований. Наибольший вклад в разработку этой проблемы внес С. Г. Кара-Мурза. Ученый утверждает (и ему очень трудно не поверить), что по масштабам, затратам, формам и средствам программа манипуляции не имела аналогов в мире. Манипулирование общественным сознанием в наши дни приобрело еще больший размах, а средства и методы этой деятельности настолько обновились, что стоят на грани психо-патологического воздействия на поведение людей.

Нынешние российские руководители используют любой повод, чтобы бросить комья грязи на советский период развития страны. Им кажется, что они тем самым поддерживают свое либерально-демократическое реноме. Но это выглядит все более глупо и кощунственно на фоне тех разрушительных процессов, которые многие годы происходят в России. В то же время В. В. Путин и Д. А. Медведев все чаще и чаще, как бы соревнуясь в красноречии, критикуют ельцинскую политику экономических реформ, признавая произошедшее глубокое обнищание народа, провал приватизации, развал экономики и т. п. Такие признания, отвечая мнению абсолютного большинства российского общества, носят, разумеется, декларативный и, я бы сказал, декоративный характер. Проблемы поднимаются, ведутся вокруг них дискуссии, например, о сырьевой экономике, о модернизации, о внедрении наукоемких производств, но дальше этого дело не идет. Идет, опять-таки, оболванивание обывателя, которого ловят, как водится, на пустой крючок. Ему, обывателю, не за что критиковать власть: ну, несправедливая была приватизация, преступная даже – вон и президент с премьер-министром хором говорят об этом со всех трибун, ну, значит, все в порядке, все идет своим чередом, не о чем беспокоиться! Однако никто из лидеров не сказал ни слова в осуждение самого преступного курса ельцинского режима. И это вполне закономерно. Потому что курс этот успешно продолжается – за все 12 лет пребывания В. В. Путина на высших государственных постах ни на сантиметр не вышел за пределы прежней политики.

Нельзя сказать, что Путин не пытался как-то приукрасить фасад олигархически-бандитского капитализма. За эти годы применялись различные «косметические» материалы (лозунг удвоения ВВП, пенсионная, административная реформы, создание государственной инвестиционной системы и др.). На их раскрутку затрачены огромные финансовые, технические и организационные ресурсы. Однако должных результатов достигнуто не было. По всем направлениям провал следует за провалом. Возникает вопрос: в чем состоит главный рычаг торможения широко разрекламированных реформ?

На наш взгляд, основная причина неудач в системном кризисе государственного управления в современной России. Этот кризис стартовал с началом ельцинско-гайдаровских реформ и до сей поры будоражит всю систему государственного управления сверху донизу. На самом верху наблюдалась какая-то труднообъяснимая правительственная эпилепсия. Двадцатилетие – срок невелик, но сегодня мы живем уже при 16-м правительстве реформа-

торов. За 20 лет 16 премьер-министров (некоторые утверждались Госдумой несколько раз). Подозреваю, что это очередной рекорд, и вновь Россия оказалась впереди планеты всей! Только в 1998–1999 годах премьер-министрами назначались С. В. Кириенко, В. С. Черномырдин, Е. М. Примаков, С. В. Степашин, В. В. Путин. За восемь лет реформ сменилось столько же министров финансов. Но переход количества в качество, вопреки всем законам философии, так и не произошел. Закономерен вопрос: почему?

Основная цель настоящей работы заключается в исследовании причин неэффективной деятельности органов государственного управления. Тема эта многогранна. В науке сложилось два взгляда на понятие государственного управления. В широком смысле под государственным управлением рассматривается весь спектр деятельности государственной власти, всех ее ветвей, всех органов, всех должностных лиц. В узком смысле – это сфера деятельности исполнительной власти. Словосочетание в «узком смысле» в данном случае условно, так как исполнительная власть охватывает в своей деятельности буквально все стороны экономической и социальной жизни общества. Автор для исследования избрал высший орган исполнительной власти – правительство, понимая решающее воздействие этого органа на развитие государственности в стране, на строительство настоящего и будущего России.

Я убежден, и постараюсь доказать, что в основе кризиса лежат три порока современной власти – некомпетентность, коррумпированность, отсутствие нравственного начала. Все эти пороки взаимосвязаны, и я не берусь выделить основной, из которого вытекают все остальные. Это как три головы дракона – поди угадай, которая больней укусит!

Начать, я думаю, нужно со своеобразного повторения пройденного. Хочу освежить в памяти читателя, как и в какой последовательности все это происходило. Человеческая память имеет странное свойство, называемое абберрацией, при которой в сознании происходит искажение реальной картины бытия. А история – не математика, от перестановки мест слагаемых смысл происходившего может измениться кардинально. Такое свойство памяти активно используется специалистами по манипулированию сознанием, но это – совсем другая тема, большая, многогранная, и рассматривать ее мы в настоящей работе не будем.

А для правильного понимания процессов и взаимосвязей постараемся припомнить «нехорошо забытое старое».

Часть I. Либеральный большевизм как догма

Первое правительство Ивана Силаева

Через три дня после принятия 12 июня 1990 года Декларации о государственном суверенитете РСФСР Верховный Совет РСФСР своим постановлением назначил председателем Совета Министров РСФСР Ивана Силаева. В состав правительства вошли как известные профессионалы, уже работавшие в госструктурах – Г. В. Кулик, Г. А. Явлинский, Г. И. Фильшин, И. Т. Гаврилов, В. Б. Булгак, Л. С. Чешинский, В. Б. Ефимов, Б. Г. Федоров, Б. А. Фурманов, так и представители либерального крыла – Э. Д. Днепров, В. Н. Ярошенко, М. Н. Полторанин, А. В. Козырев, Н. В. Федоров, А. В. Шаронов и другие.

Не давая оценку деятельности правительства в целом, отметим только, что оно в основном использовало свой потенциал для борьбы с союзным центром, активно занималось перетягиванием важнейших секторов экономики на российские рельсы. 9 августа 1990 года Президиум Верховного Совета РСФСР принял Постановление «О защите экономического суверенитета РСФСР», согласно которому признавались недействительными все заключенные после принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР внешнеэкономические сделки по продаже алмазов, золота, платины и других драгоценностей, нефти, газа, урана, черных и цветных металлов и других стратегических ресурсов и товаров. Указом президента СССР от 23 августа это постановление было объявлено документом не имеющим юридической силы. В ответ на это правительство Силаева призвало российские предприятия выйти из подчинения союзных министерств, обещая им налоговые льготы. Затем Совмин перестал перечислять собираемые на территории РСФСР налоговые платежи в бюджет СССР. Ожесточенная борьба разгорелась в банковской сфере.

В мае 1991 года, накануне первых выборов президента РСФСР, глава российского правительства И. С. Силаев заявил, что программы экономических реформ он будет осуществлять только под руководством Б. Н. Ельцина. Напомню, что на рубеже 90-х годов прошлого столетия группой советских экономистов были разработаны две программы радикальной экономической реформы. Первая создавалась по решению Верховного Совета СССР. Во главе разработчиков стал академик Л. И. Абалкин, а членами комиссии были назначены А. Г. Аганбегян, Г. А. Арбатов, О. Т. Богомолов, С. А. Ситарян. Вторая программа разрабатывалась группой ученых во главе с академиком С. С. Шаталиным (в нее входили Е. Г. Ясин, Г. А. Явлинский и др.). Она была созвана президентом М. С. Горбачевым при согласии Б. Н. Ельцина.

Программы Л. И. Абалкина и С. С. Шаталина были по многим позициям противоположны и несовместимы. Первая выступала за сохранение доминирующей роли центра, сохранение госзаказов, госрегулирование цен на определенные товары, широкую социальную программу, постепенное разгосударствление. Программа Шаталина «500 дней» предусматривала большую экономическую свободу союзных республик, отмену госзаказа, свободное формирование цен на все виды промышленной продукции, постепенную приватизацию, ограничение социальных программ.

Различная направленность программ вызывала нарастание политического противостояния между Горбачевым и Ельциным. Первый сначала пытался усидеть на двух стульях, но затем под нажимом Н. И. Рыжкова и Верховного Совета СССР согласился со «средним» вариантом, таким гибридом из той и другой программ под названием «Основные направления перехода к рынку». Ельцин, явно в пику Горбачеву, поддержал программу «500 дней», и та была утверждена Верховным Советом РСФСР 11 сентября 1990 года.

Однако дальнейшая судьба этих программ оказалась незавидной. С подписанием Беловежских соглашений и формированием СНГ прекратилась работа по выработке нормативных документов для реализации абалкинской программы, и к ней уже никто не возвращался. Программа «500 дней» стала заложницей политических авантюр Ельцина и карьеристских устремлений Явлинского. Будущий лидер «Яблока» был заместителем премьера в правительстве И. С. Силаева, возглавлял Государственную комиссию по экономической реформе. Однако слыл вольнодумцем, и впоследствии отказался от предложения Ельцина занять пост премьер-министра России, окончательно оформив свой переход в оппозицию.

Однако вернемся вновь к правительству Силаева. Часто его называют неэффективным. Так, бывший председатель Госсовета Г. Э. Бурбулис заявлял, что правительство проявило в течение года «вопиющую недееспособность». М. Н. Полторанин, который работал заместителем у Силаева, отзываясь в воспоминаниях о своем патроне как о слабом, вялом руководителе. Что бы ни говорили наши либералы о первом и втором правительствах Силаева, личность самого премьера заслуживает особого внимания.

Иван Степанович был, несомненно, выдающимся государственным деятелем, признанным профессионалом, которого можно поставить по опыту государственного руководства на первое место в ряду последующих премьер-министров России. Он прошел школу руководства крупным авиационным заводом, проработал 11 лет в Минавиапроме, в том числе четыре года министром, а затем заместителем председателя Совета Министров СССР. Он имел огромный авторитет среди руководителей промышленности, был сильной личностью, а по знаниям и компетентности был на голову выше первого президента России. Ельцин это понимал и при первой возможности от Силаева избавился. Это произошло после того, как после августовских событий 1991 года М. С. Горбачев вместо прежнего Совета Министров СССР создал Комитет для оперативного управления народным хозяйством. В его состав вошли И. С. Силаев (руководитель), А. И. Вольский, Ю. М. Лужков, Г. Я. Явлинский и др. Для истории Иван Силаев – последний глава правительства Советского Союза. В последующем он работал на дипломатическом поприще – представителем Российской Федерации при Европейских сообществах в Брюсселе.

Откуда взялся Егор Гайдар?

Егор Тимурович Гайдар, помимо звучной фамилии, ничем особенным не выделялся; не был замечен и в политической тусовке приверженцев Ельцина, но был известен в среде экономистов-реформаторов. Выпускник экономического факультета, затем аспирант МГУ, Гайдар многие годы работал младшим, затем старшим научным работником под началом С. С. Шаталина. Сначала в Институте системных исследований АН СССР, а затем в Институте экономики и прогнозирования НТП; активно участвовал в семинарах клуба «Перестройка» в ЦЭМИ. Как и многие кабинетные ученые, занимался чистой теорией, не имея производственного опыта и практики организационно-управленческой деятельности, обладал лишь самыми смутными представлениями о системе управления экономикой.

К экономическим познаниям Егора Тимуровича критически относился даже его отец. Один из эпизодов этого описывает в своей книге известный экономист и журналист Дмитрий Валовой. «С Тимуром Аркадьевичем у меня сложились добрые отношения, и как человек, далекий от экономики, он во время совместных дежурств выбирал у меня «свободное окно», чтобы поговорить о нашей экономике. А однажды он сообщил, что Егор защищает докторскую, и попросил меня дать ему отзыв. Я ему объяснил, что все знают, что отец Егора работает в «Правде», и отзыв заместителя главного редактора не совсем тактичен. Он расстроился. Я его успокоил: «Пусть Егор готовит «болванку» отзыва, а я попрошу жену подписать его; она тоже доктор, но у нее сохранена девичья фамилия». После защиты Егора его отец продолжал заводить со мной разговоры об экономике. На мое замечание: «У тебя теперь есть свой доктор экономики» он отвечал: «В практике-то он не разбирается», что Егор блестяще подтвердил во время блицкрига у руля» (Д. В. Валовой. От Сталина и Рузвельта до Путина и Буша. – М., 2007, с. 239).

Во время перестройки Е. Т. Гайдар проявил себя талантливым партийным номенклатурным журналистом, работал редактором отдела в журнале ЦК КПСС «Коммунист», а затем возглавлял экономический отдел «Правды». Пописывал статьи, упражнялся в статистических анализах, делал ни к чему не обязывающие прогнозы развития советской экономики. Однако всего за год (1990–1991) его коммунистическая лексика меняется на буржуазно-либеральную. Теперь он становится «бескомпромиссным» борцом с тоталитаризмом, демонстративно выходит из КПСС, порывает по «идеологическим и теоретическим расхождениям» со своим бывшим руководителем академиком С. С. Шаталиным.

Активно участвует (я бы сказал – соучаствует) в развале СССР. Там многие отличились, Бурбулис, Шахрай и т. д., сейчас их похвальба как-то поутихла. То ли поняли, что натворили, то ли тональность «мемуаров» уж очень вразрез идет с декларируемым тандемом курсом на возрождение Державы, но, одним словом, поутихли «прорабы перестройки». А раньше, напротив, друг перед другом выхвалялись: я, мол, сильнее всех толкал...

Вот что писал сам Гайдар о том, как в начале декабря 1991 г. вместе с А. В. Козыревым и С. М. Шахраем в Беловежской пуще готовил проект документа о роспуске СССР: «Было очень поздно, около 12 ночи, технический персонал решили не беспокоить, я стал сам набрасывать на бумаге текст. В 4 утра закончили работу. Андрей Козырев взял бумаги, понес к машинисткам. Утром паника в технических службах. Выяснилось – Козырев не решился в 4 утра будить машинистку, засунул проект декларации под дверь, по ошибке не под ту. Но когда рано утром хватились – времени для расшифровки уже не оставалось, разобраться в моем, надо сказать, на редкость отвратительном почерке мало кому удастся. Пришлось идти самому диктовать текст. Так что если кто-то захочет выяснить, на ком лежит ответственность за Беловежское соглашение, отпираться не буду – оно от начала до конца написано моей рукой» (Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. – М., 1997. С. 149).

В новом амплуа беззаветного борца с коммунизмом Гайдар предстал перед Бурбулисом в августе 1991 года и приступил на даче № 15 в Архангельском разрабатывать новую, третью программу радикальных реформ. Считают, что на радикализме взглядов Гайдара главным образом сказались два обстоятельства: опубликованная А. Б. Чубайсом брошюра «Жестким курсом», посвященная венгерскому опыту реформирования экономики, и влияние экспертов МВФ и Всемирного банка Джеффри Сакса и Андерса Ослунда. Не случайно даже Г. Х. Попов в своей книге «От и до» отмечал, что Б. Н. Ельцин «выбрал Гайдара вместе с МВФ».

В состав группы Гайдара, которая занималась разработкой программы, входили молодые научные сотрудники появившихся на волне перестройки новых исследовательских институтов, в основном коммерческих. Руководителями учреждений политической и экономической экспертизы в то время были: А. А. Нецадин (Экспертный институт Российского союза промышленников и предпринимателей, 1991), В. А. Найтшуль (Институт национальной модели экономики, 1992), К. Г. Кагаловский (Международный исследовательский центр экономических реформ, 1989), А. Б. Чубайс (Центр социально-экономических исследований – Леонтьевский центр, 1991). В ближайшем окружении Гайдара тогда находились молодые экономисты А. Н. Шохин, А. Данилов-Данильян, В. М. Лопухин, С. Ю. Глазьев, М. Задорнов, П. О. Авен, А. А. Нечаев, Б. Г. Салтыков.

Главными теоретиками гайдаровской программы были В. А. Мау и А. Н. Илларионов. Они в своих воззрениях исповедовали либерализм в политике и институционализм и монетаризм в экономике. В научных статьях наши либералы опирались на теоретические послы западных экономистов – Дж. Стиглера, Р. Кауфмана, Д. Сакса, А. Цикермана, Т. Питерсена, а также представителей Венской научной школы: Ф. фон Хайека, Л. фон Мизеса. У них же они заимствовали идеи о пагубном влиянии государственного вмешательства в процессы экономического обмена.

В разработке программы заметен значительный вклад американских советников, которые были приглашены Б. Н. Ельциным. Главными экспертами – советниками президента были: Дж. Сакс, А. Ослунд, А. Шлейфер, Р. Лейард, М. Домбровский, Я. Ростовский, которые представляли главным образом Гарвардский университет. Пагубные результаты их деятельности в России видны, что называется, невооруженным глазом. Тем же, кто хотел бы поглубже вникнуть в проблему, рекомендую анализ, сделанный нами ранее (В. С. Новосельцев. Национальные интересы России /социально-экономический аспект/. – М., 2007. с. 16–17).

Первое явление либерального большевизма

12 июня 1991 года Б. Н. Ельцин, получивший на всенародных выборах почти 60 процентов голосов избирателей, стал президентом России. С присущим ему пафосом он объявил на инаугурации, что «великая Россия поднимется с колен! Мы обязательно превратим ее в процветающее, демократическое, миролюбивое, правовое и суверенное государство. Уже началась многотрудная для всех нас работа. Перейдя через столько испытаний, ясно представляя свои цели, мы можем быть твердо уверены: Россия возродится!»

Цели действительно были оглашены заманчивые. Уже в первом указе президента «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР» было обещано «направлять ежегодно для обучения, стажировки, повышения квалификации за рубеж не менее 10 тысяч учащихся, аспирантов, преподавателей и научно-технических работников». Отечественных учителей Ельцин убаюкивал тем, что их зарплата будет установлена на уровне средней по промышленности.

В июле 1991 года Ельцин своим указом образовал не предусмотренный Конституцией Государственный Совет РСФСР при президенте и поручил ему подготовить предложения по экономическому будущему новой России. Госсекретарем стал Геннадий Бурбулис. Фигура Г. Э. Бурбулиса к тому времени уже была известна в околоельцинских кругах. Он был земляком первого президента России, преподавал научный коммунизм в Уральском университете. Директор Екатеринбургского издательства «Кедр» В. Коршик в статье «Хлестаков в Кремле» писал, что Бурбулис «шесть раз безуспешно защищал кандидатскую диссертацию в Уральском госуниверситете, побив все существовавшие по этой части рекорды. А ведь тема-то диссертации по тем временам была левая – о коммунистическом воспитании молодежи». На волне гласности, преуспев в демагогии, стал депутатом Верховного Совета РСФСР. За активную роль в президентской предвыборной кампании был приближен к трону и стал госсекретарем, а затем повысился до первого заместителя председателя правительства. Во всех высказываниях умудрялся непременно покритиковать коммунистическое прошлое. За умение удачно подсказывать из-за плеча патрона был прозван «серым кардиналом». И на самом деле какое-то время был им. Во всяком случае, довольно долго политика ельцинской команды теоретически обосновывалась неудачливым соискателем кандидатского диплома.

Для подтверждения своих слов вновь сошлюсь на Дмитрия Валового, тогда уже работавшего советником президента Республики Казахстан. 5 июля 1992 года Н. А. Назарбаев прибыл в Москву на встречу глав государств СНГ. Его встречали в аэропорту первый вице-премьер Г. Э. Бурбулис и министр печати М. Н. Полторанин. Они затем проехали в резиденцию, где накануне дня рождения Назарбаева был накрыт стол. Валовой далее пишет: «Во время приватной беседы в узком кругу о сложном положении в экономике и о Гайдаре я сказал Полторанину:

– Михаил, ты же хорошо знаешь по «Правде» Егора и его способности. Как же он мог оказаться у экономического руля страны?

Полторанин показал рукой на сидевшего напротив Бурбулиса и громко произнес:

– Гайдар – это его человек. Он его привел! Он просто «изнасиловал» Бориса Николаевича, навязывая ему Гайдара.

Поэтому я не исключаю, что Бурбулис, зная, что он будет «первой скрипкой» в новом правительстве, не хотел приглашать профессионала или известного экономиста, чей авторитет довлел бы над первым вице-премьером, а предпочел неизвестного в ту пору Гайдара. (Указ. соч., с. 237)

В октябре 1991 года на V внеочередном съезде народных депутатов Ельцин заявил о необходимости начать радиальную экономическую реформу. Убеждая депутатов, он гово-

рил: «Если по этому пути пойдем сегодня – реальные результаты получим уже к осени 1992 года. На первом этапе реформ хуже будет всем примерно полгода. Затем начнется снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а к осени 1992 года, как я обещал перед выборами, наступит стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей». Съезд не только одобрил предложенные экономические меры реформирования, но и предоставил Ельцину до 1 декабря 1992 года чрезвычайные полномочия для проведения экономической реформы и реорганизации органов государственной власти. Это означало, что Ельцин практически становился по совместительству еще и главой правительства, а издаваемые им указы имели силу закона.

6 ноября 1991 года он объявил о формировании нового правительства РСФСР, в котором уже официально должность председателя возложил на себя. Первым заместителем председателя был назначен Г. Э. Бурбулис, заместителями – Е. Т. Гайдар, А. Н. Шохин, председателем государственного комитета РСФСР по управлению государственным имуществом А. Б. Чубайс. Министерские портфели получили: М. Н. Полторанин, В. Б. Булгак, Н. В. Федоров и другие. В июле 1992 года Гайдар был назначен и. о. премьер-министра, поэтому в историю этот кабинет вошел как правительство Ельцина – Гайдара.

В правительство Ельцина – Гайдара, как на мед, слетелись «либерал-реформаторы» – В. М. Лопухин, Б. Г. Салтыков, П. О. Авен, В. М. Машиц, А. А. Нечаев, К. Г. Кагаловский, В. А. Мау и другие. Это правительство, по словам советника Ельцина В. А. Воронцова, осталось в памяти как команда крайне самоуверенных относительно молодых людей, не имевших ни серьезного жизненного опыта, ни тем более опыта государственной работы. Правительство запомнилось проведением «шоковой терапии», наступлением гиперинфляции, кризиса неплатежей, дальнейшим обесценением вкладов населения, началом ваучерной приватизации по Чубайсу, выпрашиванием униженной гуманитарной помощи западных стран.

Часто возникает вопрос: почему Ельцин выбрал Гайдара, с которым не был знаком до октября 1991 года? Здесь свою роль сыграл ряд обстоятельств. Во-первых, Ельцин увидел в концепции Гайдара решительный слом всех союзных конструкций, незамедлительное и жесточайшее проведение «шоковой терапии». Ради этой цели Гайдар готов был пойти на любые меры по разрушению основ советской экономики, легко допускал обнищание большей части народа. Политика шока, силовые методы борьбы всегда импонировали Борису Николаевичу. Он понимал, что каждый день промедления, неопределенность, потеря инициативы могут привести к краху намеченных планов. Во-вторых, Гайдар смог убедить Ельцина, что силовой, по сути дела большевистский (но под либеральным флагом) экономический курс не приведет к критическому недовольству масс, слишком был высок ресурс доверия у населения к президенту. Как ему это удалось, гадать не берусь, потому что в чем в чем, а в уме Борису Николаевичу не откажешь. Видимо, он просто сильно хотел в это поверить.

Вероятно, знание этой черты натуры «хозяина», а именно уживавшихся в нем крайнего прагматизма с почти религиозной верой в сладкие мифы, и навяло Геннадия Бурбулису следующую трактовку возникшего между двумя этими деятелями необъяснимого с точки зрения здравого смысла взаимопонимания: «Зная Ельцина, могу сказать, что на его решение в пользу команды Гайдара повлияли профессиональная ясность, человеческая волевая определенность и убедительная прагматичность позиции Егора Тимуровича. Вместе с тем, безусловное значение имело и то, что Ельцин увидел в Гайдаре человека, представлявшего уникальную историко-культурную основу новой России. Один его дедушка – сказочник Павел Бажов, олицетворял веру в народную гармонию природы, человека, доброты, да еще с уральской закваской. Это было сильным стимулом. Другой дедушка – Аркадий Гайдар, писатель-романтик советской истории, создавший широко известный педагогический образ

Тимура и его команды. Здесь уже колорит советского, большевистского романтизма, пафос мечтателей и преобразователей. В Ельцине это тоже было очень живуче». Вполне возможно, что так и было на самом деле – один рассказывал сладкие сказки, второй верил и млел от счастья, что все так хорошо получается – разбираться в тонкостях подсознательного не мое дело, это занятие для психиатров. Но факт остается фактом: доверие установилось, и премьер, прозванный в народе Плохишем, взялся за руль.

Возглавив экономический блок правительства, Гайдар получил карт-бланш в подборе кадров в экономический блок правительства, минуя Ельцина. С этой минуты гайдаровцы, подняв знамя с именем Ельцина и обнажив шашки шоковой терапии, безоглядно бросились на войну со своим народом. 2 января 1992 года Гайдар, по собственному выражению, «зажмурились», провел «либерализацию цен».

Моментально обезденежили предприятия, работников пачками отправляли в бессрочные административные отпуска. Производство резко упало, замерло строительство. Перестали платить зарплаты бюджетникам и пенсии, все вокруг стали друг другу должны. Цены, никем не сдерживаемые и не контролируемые, скакали, как бешеные. Трудовые сбережения граждан обесценились в десятки раз, да и те были заморожены на счетах Сбербанка. Выплата компенсаций (частичных!) по тем счетам продолжается доныне, но разве можно сравнить те деньги с нынешними, съеденными инфляцией. Основная масса населения стремительно нищала. Резко выросла смертность, вплоть до того, что не хватало гробов. Люди порой отказывались забирать из моргов тела своих близких – хоронить было не на что, и покойников закапывали за госсчет, чуть ли не в полиэтиленовых мешках...

Тогда же были заложены не устраненные до сих пор кризисные явления в образовании, здравоохранении, науке и культуре.

Однако это был только первый акт осуществляемой на наших глазах грандиозной аферы. Началась приватизация по Чубайсу, когда за бесценок «нужным людям» раздавались наиболее рентабельные, прибыльные предприятия, а также месторождения полезных ископаемых. Уже тогда был очерчен круг лиц, главным образом, родственников и знакомых, которые и составили в последующем костяк олигархов. Вместо рыночной экономики создавался бандитско-олигархический капитализм. Нет смысла углубляться в эту тему. Все перипетии приватизации описаны в мельчайших подробностях в десятках книг, приложил руку к ее исследованию и автор этих строк.

О том, какими безжалостными методами проводилась командой Гайдара «шоковая терапия», исписаны горы бумаги. Затрону только одну сторону в преступной деятельности правительства младореформаторов, которая не отражена в литературе. Новая власть начала разрушать все советское с предательства детей – и конкретных детей, и детей как будущего страны. Одними из первых объектов соцкультбыта, на которые пал алчный взор «приватизаторов», оказались детские сады. Пользуясь демографическим спадом – обобранное до нитки население перестало рожать, встретить в те годы на улице беременную женщину было чудом – здания детских садов растаскивались в ускоренном режиме. Трудно представить, но за время приватизации роздано за бесценок, разграблено по России 42 214 детских учреждений. Их количество уменьшилось по стране в два раза. Сложившаяся годами практика советской жизни – все лучшее детям – была растоптана грязными сапогами гайдаровцев. В результате тех преступных действий на сегодняшний день очередность в детские учреждения достигла 1 млн. 600 тысяч детей.

Бытует мнение, что Гайдар и Чубайс взялись за реформы под влиянием романтического, идеалистического взгляда на мир. По ходу дела выяснилось, что не оказалось у реформаторов ни достаточного ума, ни знания жизни, ни компетентности, ни опыта государственной деятельности, якобы, подвел их азарт обновления. Об этом говорил, например, Александр Солженицын: «Никогда не поставлю Гайдара рядом с Лениным, слишком не тот

ростом. Но в одном качестве они сходны: в том, как фанатик, влекомый только своей призрачной идеологией, не владеющий государственной ответственностью, уверенно берется за скальпель и многократно кромсает тело России. И даже шестилетие спустя, по сегодняшнему самоуверенно ухмыльному лицу политика не видно смущения: как разорением сберегательных вкладов он сбросил в нищету десятки миллионов своих соотечественников». Высказываясь далее о Гайдаре и Чубайсе, знаменитый писатель подчеркивал, что они взялись за дело, не имея для этого ни опыта, ни знаний, но с большой внутренней самоуверенностью, а дальше определенно появился и корыстный интерес: в ходе преобразований, когда открылась для них возможность и личного обогащения. Ну, не знаю, не знаю. Мне думается, что корыстный интерес в действиях этой «сладкой парочки» возник не в ходе реформ, а еще до их начала, более того, был их источником и движущей силой.

Думаю, не во всем можно согласиться и с мнением академика РАН Никиты Моисеева: «Когда команда Ельцина готовила шоковый удар по России, Е. Гайдар обещал повышение цен в несколько раз, которое вскоре сменится стабилизацией и экономическим ростом. Но академик А. Петров, владеющий развитой системой математических моделей российской экономики, «проиграл» гайдаровский вариант. В результате вышло повышение цен в 4–5 тысяч раз. Тогда я думал, что Гайдар плохо считает. Теперь понимаю: он просто ничего не считал, ибо не умеет этого делать».

Несколько схожую позицию высказал и известный олигарх первой величины Олег Дерипаска в *gazeta.ru*: «В один прекрасный день Егор Гайдар покончил с плановой системой и не создавал ничего, чтобы заменить ее. То, что в те времена казалось невинной шалостью, сейчас выглядит как идиотизм... Я говорю о популистах, о тех людях, которые, не имея никакого опыта, пришли к власти и затем начали разрушать инфраструктуру, которая создавалась десятилетиями».

Мне же почему-то кажется, что считать Гайдар умел. Но просчитывать последствия своих действий вовсе не входило в его планы. А то, что Егор Тимурович абсолютно не разбирался в экономике, хорошо видно из того, что не сбывся ни один его прогноз, не сдержано ни одно из многочисленных обещаний. Про абсолютные цифры экономического развала я умолчу.

Лучше расскажу одну историю, поведанную мне моим земляком, Героем Социалистического Труда, директором завода, производящего космическую аппаратуру, Валентином Ивановичем Зайцевым.

– Приезжаю в Москву, – рассказывал В. И. Зайцев, – попадаю на прием к Гайдару. Рассказываю свое дело. Он кивает: да, все правильно, нужно делать. И пишет резолюцию на моем письме: «Согласен. Гайдар». И смотрит вопросительно, мол, что тебе еще? Я говорю: «Егор Тимурович! Разве это резолюция?! Давайте, я вам ее продиктую». И продиктовал: такому-то в такой-то срок сделать то-то и то-то; такому-то в такой-то срок – то-то... и так далее, шестнадцать пунктов. Как положено, конкретным людям конкретные задания. Когда закончили писать, он пожаловался: «Даже рука устала». Я вышел в приемную, подаю подписанное письмо помощнику – для исполнения. А тот, еще старой заалки работник, посмотрел и говорит: «Вот поверишь, Валентин Иванович, за все время – первая нормальная резолюция!»

То, что было азбукой для любого руководителя правительства раньше, для Гайдара было темным лесом. Но он по этому поводу, похоже, нисколько не огорчился. Я, во всяком случае, не встречал ни одного сказанного или написанного им слова сожаления о содеянном.

Примером здесь может служить первый вице-премьер, а позже госсекретарь в правительстве Ельцина Геннадий Бурбулис, который, например, восклицал о происходивших тогда событиях: «Для одних это катастрофа, это разруха, это беспредел, это произвол. Для меня – это объективная неизбежность. И в большинстве своем нас, конечно же, объединяет

не чувство безысходности, а торжество победителей над своим же по многим параметрам унижительным прошлым».

«Идеалиста-романтика» с Урала, нисколько не смутило то обстоятельство, что десятки миллионов россиян были лишены сбережений, не могли свести концы с концами, и перед многими вполне реально маячила перспектива голодной смерти. Кого же победил этот надутый господин? Кроме собственного народа побежденных не было... Все это он сказал в интервью «Независимой газете» в апреле 1992 года. С тех пор многое изменилось, но не думайте, что об этих словах он когда-то впоследствии пожалел. Я об этом не слышал. Г. Э. Бурбулиса либералы дважды проталкивали в Госдуму, на семь лет он был помещен Совет Федерации – сенатором от Псковской области, где если и бывал, то проездом. Сейчас он проректор по инвестициям Международного университета в Москве. Президентом здесь властвует более 20 лет Г. Попов, а ректором является Кросавченко, который, будучи депутатом Верховного Совета, пошел на подлог и продал свою душу Ельцину и Чубайсу. Это целая история. Либералы своих не забывают! И Гайдар ведь до самой своей кончины отсиживался в теплом месте директора института, получая за исполнение своей синекуры хо-о-орошие деньги.

Точнее и откровеннее всех говорил о целях реформы главный приватизатор: «Нам вообще было не до выбора пути. У нас была одна проблема: все, что способствовало отрыву страны от коммунизма; все, что помогало уничтожить основы коммунистической идеологии и коммунистического режима в стране, – все должно быть сделано настолько, насколько это возможно» – так излагал смысл своей тогдашних усилий А. Б. Чубайс.

Вот это и называется большевизмом. Или – фанатизмом. Когда одна идея, своя или заемная, ставится во главу угла, и ради ее воплощения отбрасываются все выработанные человечеством за века сдерживающие факторы – мораль, право, понятия социальной справедливости. Тогда, конечно, – какой народ, какие жертвы? Разве станешь думать о миллионах жизней соотечественников, если речь идет о сокрушении социального строя?! Как видим, снова перед нами – идеалист-фанатик. Но стоит начать задавать простые вопросы, как намерения реформаторов становятся все более явными. Например, такой вопрос: а зачем, ради чего ломался советский, общинный, по сути, строй? С какой целью, если не ради обогащения, настойчиво, с упорством бульдозера пробивалась дорога для частной собственности? Или такой вопрос – а случайно ли «розовая мечта» реформаторов почти идеально совпала с совсем не розовыми устремлениями госдепартамента США и ЦРУ по развалу нашей страны, уничтожению экономики и превращению ее в сырьевой придаток Запада?

Ох, умели считать «чикагские мальчики»! К несчастью, очень хорошо умели...

А что же Ельцин? Неужели и дальше основное бремя ответственности за гайдаровские реформы будет возлагаться на Гайдара и Чубайса, а Ельцина власть будет возвеличивать и возводить ему памятники? Сейчас становится очевидным, что роль первого президента во всех перечисленных выше действиях была руководящей и чрезвычайно активной. Это, в частности, подтверждается воспоминаниями Михаила Полторанина, который был министром информации в первом либеральном правительстве и весьма приближенным к «хозяину». Михаил Никифорович пишет в своей книге «Судьба Бориса», что после успешных президентских выборов в конце июля 1991 года Ельцин пригласил своих близких сотрудников отдохнуть на природе. На лесистом острове Химкинского водохранилища был устроен пикник с шашлыком и обильной выпивкой.

После нескольких тостов Полторанин предложил Ельцину покататься на лодке, и они вдвоем уединились от гостей. Во время прогулки Полторанин пытался убедить Бориса Николаевича в необходимости принятия концепции приватизации Михаила Малеева – председателя комитета Госкомимущества в правительстве И. Силаева, которая предусматривала распределение акций среди сотрудников предприятий. Народное богатство распределялось спра-

ведливым образом, не обвалью, а постепенно, по классической схеме. Ельцин внимательно выслушал доводы своего министра.

Далее автор книги свидетельствует:

«Ельцин уже разморился на солнце, нетерпеливо потряхивал головой. Но дал мне договорить. А потом, оживившись, начал хриплым голосом объяснять. Он знал о наработках Госкомимущества – ему докладывали. Знал о других планах. Идет борьба идей – пусть борются. Но у него после поездок за рубеж, особенно в Америку и после консультаций там с видными экономистами уже сложилось свое видение приватизационной политики в России.

Какое?

– Оставить в экономике значительную часть государственного сектора, да еще на много лет, как предлагаете вы с Малеем? Так не пойдет! – сказал он в своей резкой манере. – Не получится что-то у капиталистов, все начнут сравнивать и кричать: «Давай назад!» Да еще со всероссийскими забастовками. Это будет реальная угроза возврата к социализму.

– А чем вам не угодил социализм? И разве тотальный капитализм самоцель? – вырвалось у меня. – Создать всем равные условия, и пусть конкуренция выявляет, что больше подходит нашему обществу.

– Нет у нас времени на это. Совсем нет. Сковырнуть систему могут только решительные шаги, – произнес Ельцин. – Надо в массовом порядке и как можно скорее распродать все частникам. Провести, понимаешь, черту между нами и прошлым.

– Но это может привести к обрушению экономики, к обвалу рынка.

– На время приведет. Но под гарантии кое-каких наших уступок Запад готов организовать для России товарную интервенцию. Продержимся с полгода – год, и все пойдет как надо.

Мы помолчали. Ельцин давно не был со мной так откровенен.

– У нашего народа-голодранца нет таких капиталов, чтобы выкупить все сразу, – сказал я. – Приватизационных чеков на это дело не хватит.

– Да что чеки – бумажки, – поморщился президент. – Нужны деньги, большие деньги, чтобы обновлять производство. Продадим тем, у кого эти деньги имеются. Таких совсем немного. И это к лучшему. Когда меньше хозяев – с ними работать удобнее. А все станут хозяевами – начнут власти приказывать. Какой тогда угол искать?

Самое время было углубиться в этот разговор, но Ельцин вдруг поднялся на корме во весь рост и сказал:

– Ну, хватит о работе. Надо искупаться. А то я совсем разомлею.

Мы разделись догола и нырнули с лодки. Поплавали в теплой прозрачной воде. И вернулись на остров, к столу, где я получил нагоняй за похищение виновника торжества».

В особых комментариях этот разговор не нуждается. «Вашингтонский обком» и какие-то неведомые специалисты, как мы видим, уже убедили Ельцина, как надо проводить приватизацию. Успешное промывание его мозгов происходило задолго до появления на правительственной арене Гайдара и Чубайса. Установки, полученные за океаном, он с большевистской жесткостью проводил в жизнь.

Вот так. И никаких «розовых очков».

«Крепкий хозяйственник»

За 183 дня исполняющий обязанности главы правительства Гайдар проявил полную профессиональную непригодность, и, несмотря на старания Ельцина удержать его в кресле премьера, был категорически отвергнут Верховным Советом, затем и Съездом народных депутатов.

Новым главой правительства стал В. С. Черномырдин. Эпизод с назначением Черномырдина подробно описал в своих воспоминаниях В. Ф. Шумейко.

«В декабре 1992 года VII съезд народных депутатов России отправил правительство Гайдара в отставку. Перед президентом встал вопрос о формировании нового правительства. Вечером 14 декабря он пригласил меня к себе и сказал:

– Примерно через полчаса нам идти на вечернее заседание съезда. Буду предлагать пять кандидатур. Снова Гайдара, Каданникова, Скокова, Черномырдина и вас.

– Борис Николаевич, меня не надо. Вы же знаете, как ко мне съезд относится.

– Я вас не затем пригласил, чтобы вы отказывались или соглашались. Ваша кандидатура мне нужна, чтобы съезд истратил на вас отрицательные эмоции. С остальными легче будет. Я уже договорился с Гайдаром, что он снимет свою кандидатуру. И тогда, как бы ни проголосовали, назначу Черномырдина. Он себя за это время уже показал. С курса реформ мы ему сойти не дадим, а для коммунистов он почти свой – был членом ЦК и союзным министром. Идите сейчас и подготовьте его, чтобы хорошо выступил и глупостей не наделал.

Я вернулся к себе, позвал Черномырдина и начал, как президент, с поправкой на время:

– Виктор Степанович, через пятнадцать минут нам идти на вечернее заседание съезда.

И передал ему содержание нашего разговора с Ельциным. Вначале он растерялся, но быстро взял себя в руки. Мы отправились в Кремль.

Все произошло, как предполагал Борис Николаевич, за исключением того, что Гайдар свою кандидатуру не снял. Черномырдин вышел из зала заседаний съезда новым премьером России.

Через несколько дней все, кому положено по протоколу, собрались в зале правительственного аэропорта Внуково-2 проводить улетающего на отдых президента. Когда вышли на летное поле, президент сделал знак, все отстали, и мы остались втроем: Б.Н. и мы с Виктором Степановичем. Ельцин повернулся ко мне;

– Меня не будет неделю. За это время сформируйте правительство. Делайте все сами. Пока мне не доложите, никому не показывайте. – Потом немного помолчал и добавил: – Ну, вот можете Виктора Степановича привлечь.

А у Виктора Степановича уже заиграли желваки и посерело лицо. Можно сколько угодно гадать, почему при рядом стоящем премьере формировать «его» правительство поручается заместителю. Но гадать тут нечего. Старый, проверенный историей принцип всех правителей – разделяй и властвуй. Не зря ведь и ближайшее окружение, и журналисты называли Ельцина царем». (Шумейко В. Ф. Байки из коридоров власти. – М., 2008. С.154–157). Эти строки, написанные автором не без сарказма, еще раз показывают и самодурство Ельцина, и особый стиль его кадровых назначений.

С первых шагов своей деятельности Черномырдин пытался дать понять обществу, что будет проводить реформы не по-гайдаровски. Он, дескать, за «рынок, но не за базар». Рукоплескания вызвали у депутатов Верховного Совета заявления премьера: «Прежде всего, конечно, надо остановить спад производства, потому что никакая реформа не пойдет, если мы совсем разрушим производство, промышленность. Поэтому я считаю, что сейчас реформа должна приобрести несколько иное звучание, то есть нам нужно перейти на следующий этап: обратить серьезнейшее внимание на производство. Это нам позволит больше

сделать для сельского хозяйства... Я считаю, что нужно делать опору на основные наши базовые отрасли, а уж это, я думаю, потянет за собой все остальное. Наша страна не должна превратиться в страну лавочников».

Поначалу он казалось, так и поступает. Увеличилась финансовая поддержка сельскому хозяйству – в размере 160 млрд. рублей. Распоряжением от 22 декабря премьер утвердил перечень научно-исследовательских учреждений, освобождаемых от налога на имущество. При этом он подчеркнул, что «если не будет науки – не будет и страны... Даже в годы войны у нас наука была в лучшем состоянии, чем сегодня». По его предложению Верховный Совет внес поправки в бюджет и предоставил топливно-энергетическому комплексу льготный кредит в размере 200 млрд. рублей.

В середине января 1993 года Верховный Совет, несмотря на возражение министра финансов Барчука, по предложению Черномырдина увеличил размер минимальных пенсий почти в два раза. Но еще ранее, под новогодний звон бокалов, 31 декабря премьер подписал постановление правительства «О государственном регулировании цен на отдельные виды продукции и товаров». С нового года регулированию подвергались «важнейшие» виды товаров и услуг, производимых не только государственными, но и частными предприятиями.

Вот этого «новаторства» младореформаторы бывшему «красному директору» «крепкому хозяйственнику» уже не могли простить. Анатолий Чубайс, Борис Федоров, который стал министром финансов, Евгений Ясин, Сергей Васильев, Яков Уринсон и примкнувший к ним Егор Гайдар, с криками: «Рыночные реформы в опасности!» обложили премьера, как волка в норе, подключив к этим «разборкам» президента. И добились своего. Опытный в номенклатурной подковерной борьбе, Виктор Степанович все тщательно взвесил, и для сохранения карьеры, а также влияния в газовой, нефтяной и других отраслях, пошел на попятную. Уже 13 января Борис Федоров заявил в «Известиях», что Черномырдина просто «подставили», «подсунув на подпись старый недоработанный проект». С этого времени премьер начал сдавать одну позицию за другой и превращаться в «образцового» рыночника. Уже в феврале на Всемирном экономическом форуме в Давосе глава правительства заявил, что он «не только за реформы, но и за их углубление и расширение... Однако мы не будем слепо копировать чей-то опыт – американский, английский, немецкий, японский... У нас есть свой, российский путь».

И, действительно, Виктору Степановичу не дали свернуть с курса реформ. Он полностью сохранил и приумножил гайдари-чубайсовскую программу разрушения экономического потенциала страны. На протяжении более чем пяти лет Виктор Степанович непременно назначал своими заместителями представителей «питерско-московского кружка» либералов-реформаторов: А. Б. Чубайса, Е. Т. Гайдара, А. Н. Шохина, Б. Г. Салтыкова, Б. Г. Федорова, А. Я. Коха, Я. М. Уринсона. На правительственных должностях в это время засветились Е. Г. Ясин, С. К. Дубинин, С. Ю. Глазьев, Г. Г. Меликьян, С. М. Игнатьев, А. В. Улюкаев, О. В. Бойко и другие.

В последний год своего правления Черномырдин, предчувствуя окончательный крах проводимой им (добровольно или нет – другой вопрос) либерально-монетаристской политики, отдал правительство, как говорят, на откуп представителям младореформаторов: А. Б. Чубайсу и Б. Е. Немцову. То правительство запомнилось «семью главными делами 1997 года» – выплатить долги по зарплате бюджетникам, оказать помощь нуждающимся, добиться подъема промышленности, подрубить корни коррупции, сократить численность госаппарата и т. д. Но поскольку ни одно из обещаний не было выполнено, а признаваться в этом было стыдно, на следующий год было провозглашено уже 12 новых дел, осуществлению которых помешал подготовленный ими же дефолт.

Президент Ельцин, «сдавший» четвертое правительство Черномырдина 23 марта 1998 года, в целом хвалебно отзывался о его деятельности на посту главы кабинета. В упомяну-

той книге он писал: «Нас с Виктором Степановичем объединяют общие взгляды на многие вещи. Он не приемлет беспринципного политиканства. И вместе с тем не витает в облаках. Это сочетание разумного опыта и выработанных годами принципов присуще людям нашего поколения. По крайней мере, в разных, самых критических, самых тяжелых ситуациях понимание у нас с Черномырдиным было полное».

На мой взгляд, это удивительно емкая характеристика заслуг Виктора Степановича. Он действительно не терял время попусту и не витал в облаках. Премьер не высказывал неудовольствия и помалкивал при проведении политики «парада суверенитетов», он активно участвовал на стороне Ельцина в противостоянии с Верховным Советом и запятнал свое имя в преступном расстреле российского парламента.

Все правительства Черномырдина – это непрерывная череда провалов и преступлений: «черный вторник», «черный четверг», строительство разного рода пирамид, в том числе ГКО, раздача за бесценок наиболее прибыльных и стратегических предприятий на «залоговых» аукционах. В те годы и создавались основные черты бандитско-олигархического капитализма в России, возникла пресловутая «семибанкирщина», которая изловчилась путем обмана избрать больного, практически недееспособного Ельцина на второй срок и приходу «семьи» к управлению страной. Для экономики страны проводимые реформы характерны значительным падением уровня жизни основной массы населения, важнейших макроэкономических показателей России – ВВП, объемов промышленного и сельскохозяйственного производства, громадным дефицитом федерального бюджета, многомиллиардными внешними валютными заимствованиями, неоправданно заниженными ценами на экспортируемую сырьевую продукцию.

В качестве главы правительства В. С. Черномырдин повинен в развязывании чеченской войны; на нем, как и на Б. Н. Ельцине, кровь тысяч и тысяч граждан России, как русских, так и чеченцев, погибших на ней и погибающих от действий террористов до сих пор. Он запятнал позором руководство России своим участием в телефонных (трусливых, дребезжающим голосом) переговорах с Ш. Басаевым при захвате больницы в г. Буденновске, подписанием Хасавюртовских соглашений с чеченскими бандитами. В личном плане Виктор Степанович тоже «не витал в облаках» и инициировал передачу огромного собственности Газпрома в руки своих сыновей, положив тем самым пример для захвата высот в большом бизнесе для «одаренных» деток ивановых, патрушевых, зубковых, христенковских, матвиенковских и прочих.

Что характерно, когда Виктор Степанович скончался, в панегирическом хоре СМИ о практических достижениях бывшего премьера говорилось как-то вскользь, что и понятно – слишком много разочарований связано с его деятельностью. Больше напирали на «черномырдинки» – курьезные оговорки Черномырдина, которым речь его была пересыпана очень густо, поскольку ораторским даром он, что называется, не страдал. И то и дело изрекал: «Правительство – это вам не тот орган, где можно одним только языком!», «На любом языке я умею говорить со всеми, но этим инструментом я стараюсь не пользоваться», «Локомотив экономического роста – это как слон в известном месте», «Помогать правительству надо. А мы ему по рукам, все по рукам. Еще норювим не только по рукам, но еще куда-то. Как говорил Чехов», «Мы продолжаем то, что мы уже много наделали...», «Я господина Буш-младшего лично не знаю, но вот с отцом его, господином Бушем-старшим я знаком и с женой его, госпоиной Буш тоже». Ну, и хрестоматийное: «Здесь вам не тут».

...Все это было бы смешно, если бы не имело столь тяжких экономических и политических последствий.

Правительственная эпилепсия

С отставкой Черномырдина завершается пятилетний период стабильности ельцинского режима. Начинается волна назначений и отставок премьеров, я бы даже назвал это явно болезненное явление правительственной эпилепсией. За 1998–1999 гг. сменилось пять глав кабинета министров: В. С. Черномырдин, С. Кириенко, Е. М. Примаков, С. Степашин, В. В. Путин. А завершился этот болезненный период неожиданным уходом Бориса Ельцина с политической арены. В истории России XX века такая чехарда правительств наблюдалась только в 1917 году. Но тогда приход к власти каждого нового правительства был продиктован логикой революционных событий, разрушения государственного строя.

Логика в чередовании премьеров в рассматриваемое время не было никакой.

Приход к власти Сергея Кириенко оказался неожиданным для политического бомонда, да и для него самого тоже. Либерал-реформаторы и президент хотели бы видеть на этом посту Анатолия Чубайса или на худой конец Бориса Немцова, но Ельцин понимал, эти фигуры были настолько непопулярны в народе, что Дума их не утвердит. В этих условиях президент видел, что нужна новая фигура, ничем не запятнавшая себя в московских эшелонах власти.

Выходец из Нижнего Новгорода, Кириенко был приглашен в 1997 году на должность первого заместителя министра топлива и энергетики Борисом Немцовым, ранее работавшим в Нижнем губернатором. Вскоре Кириенко становится руководителем этого ведомства. Назначенный Ельциным 23 марта 1998 года и. о. премьер-министра, Кириенко только через месяц был утвержден Государственной Думой, лишь с третьего захода, когда Ельцин четко дал понять Геннадии Селезневу, что распустил несговорчивую Думу.

Формирование правительства шло напряженно. Из 27 членов правительства в ранге зампредов и министров сохранили свои должности 15 человек из черномырдинского состава. Как писали в СМИ, кадровую политику выстраивал не Кириенко. За выдвижения «своих» жесткая борьба шла между Б. А. Березовским и А. Б. Чубайсом, тем более что количество вице-премьеров было сокращено до трех. Постов не получили И. П. Рыбкин и В. Б. Булгак, имевшие связи с Березовским, а также Я. М. Уринсон и Ф. Р. Газизулин, относившиеся к сторонникам Чубайса. Остались в должности вице-премьеров Б. Е. Немцов и О. Н. Сысуев, новым вице-премьером стал В. Б. Христенко, ставленник Чубайса. Позднее и он сам войдет правительство в качестве спецпредставителя России на переговорах с международными финансовыми организациями в ранге вице-преьера.

Большую часть времени правительство Кириенко отдавало борьбе с надвигающимся финансовым кризисом в стране. Еще в конце марта 1998 года министр финансов М. М. Задорнов объявил о надвигающейся беде в финансовой сфере: «Государственный долг России на 1 января 1998 года составил 501 трлн. рублей, в том числе по ГКО-ОФЗ – 436 трлн. Если тенденции не переломить, 2003 году расходы на обслуживание госдолга превысят 70 % доходной части бюджета». Суть вопроса состояла в том, что если в 1996 году ГКО было выпущено на сумму 5,9 трлн. рублей (неденоминированных), то к маю 1998 года эта цифра возросла до 10,6 трлн. рублей. Именно потому и возникла критическая ситуация в финансах. С одной стороны, пришлось отдавать за долги, а с другой – никто не снимал с правительства обязанности ежемесячно платить зарплаты, пенсии, пособия. Средств не было ни то, ни на другое. (Валерий Воронцов. Обман под флагом ГКО. Москва. Финансовый контроль. Опубликовано 06.03.2008).

Выступая в мае Госдуме, Кириенко объявил, что в 1999 году будет положен конец дальнейшему росту госдолга, но не упомянул, что надо закрыть финансовые пирамиды в виде ГКО и ОФЗ, которые в любой момент могли обрушиться. Вслед за ним председатель Центро-

банка Сергей Дубинин заявил, что для стабилизации ситуации пришлось повысить ставку рефинансирования с 30 до 50 %. Затем, чтобы удержать рубль «на плаву», она была повышена сразу в три раза: до 150 % годовых. Одновременно доходность ГКО превысила 80 %. В чьих интересах?

В конце мая Кириенко признал, что «правительство ведет переговоры с МВФ о предоставлении России социального консолидированного валютного займа для выкупа ГКО на внутреннем рынке». И добавил, что этот шаг вынужденный, поскольку средств на обслуживание внутреннего долга в стране просто не существует. Это заявление вызвало беспокойство среди иностранных держателей российских государственных ценных бумаг, а в их руках находилась одна треть этих финансовых документов. Западные инвесторы стали в массовом порядке от них избавляться, выводить свои деньги из России.

Несмотря на полученный в июле крупный кредит от МВФ (6 млрд. долларов), ситуация на финансовых рынках ухудшалась. Начиная с 13 августа 1998 года, мировые информационные агентства начали сообщать об обвале на российском фондовом рынке. 17 августа правительство и Центральный банк России сделали заявление о финансовом положении в стране, объявив практически о банкротстве. В воскресенье, 23 августа 1998 года Ельцин вызвал Кириенко на дачу и объявил ему об отставке.

Для Ельцина назначения главой правительства Е. М. Примакова было суровой необходимостью. Вот как обстановку тех дней описал известный историк, в прошлом генерал КГБ Николай Леонов: «Ельцина в этот драматический для страны момент больше всего заботила мысль о том, чтобы не потерять власть. К кандидатуре Примакова обратиться его заставила безвыходная ситуация. Евгений Максимович Примаков был приемлем для подавляющего спектра политических сил России... Ельцин знал его долгие годы как надежного профессионала на постах начальника Службы внешней разведки и Министерства иностранных дел. В личности Примакова причудливым, гибридным способом сочетались черты коммуниста и демократа, русского и представителя национальных меньшинств, патриота и умеренного западника, академическая солидность с журналистской легковесностью. Но при всем этом он был здравомыслящим, осторожным политиком, значительно превосходящим по своему потенциалу и умению работать с людьми молодых верхоглядов из радикальных демократов.

Когда перед ним был поставлен ребром вопрос о взятии на себя обязанностей премьер-министра, Е. Примаков в отличие от своего незадачливого предшественника начал с решительного отказа, сославшись на свой слабый опыт в руководстве экономикой. Он попытался заинтересовать Администрацию Президента кандидатурой Юрия Дмитриевича Маслюкова, который в советское время руководил Госпланом и работал при Ельцине вице-премьером правительства. Но безуспешно. Ю. Маслюков, член руководства КПРФ, вызвал аллергию именно как коммунист у президента».

И все же Маслюков был назначен вице-премьером. В правительство также вошли опытные профессионалы Н. Е. Аксененко, В. Б. Булгак, В. А. Густов, Г. В. Кулик, А. Г. Шаповальянц, Г. М. Ходырев и другие. Впервые в ельцинское время появилось правительство, опирающееся на поддержку парламентского большинства.

Разгребать дефолтовские завалы, олицетворявшие полный провал ельцинского экономического курса, дело неблагодарное. Но члены примаконской команды, глубоко изучая сложившуюся ситуацию в различных сферах экономики, действовали слаженно и проявляли определенную осторожность. Все работали на достижение конкретных результатов, но без резких движений. И положительные изменения в экономике были незамедлительно зафиксированы Госкомстатом. Так, рост промышленной продукции составил почти 24 %. Примечательно, что этот рост происходил на фоне снижающейся инфляции: она опустилась с 38 % в месяц до 3 процентов.

На эти положительные результаты повлияли два фактора: благоприятные макроэкономические условия после дефолта 17 августа и стабильная политическая обстановка. Правительством были пресечены попытки Центрального банка возвести новую финансовую «пирамиду», запрещено поднимать процентные ставки. Был установлен заслон вывозу капитала за рубеж, и его размеры сократились более чем в три раза. Правительство жестко удерживало цены на энергоносители и услуги естественных монополий. Удалось частично погасить накопившуюся задолженность по зарплатам и пособиям. Одним словом, страна стала оживать.

Однако было бы неправильным говорить о каком-то значительном изменении экономической политики правительства Примакова. В целом она оставалась монетаристской, о чем свидетельствует бюджет, принятый Госдумой. Не были реализованы премьером требования Госдумы – отстранить Чубайса от руководства РАО «ЕЭС». Иначе и не могло быть, так как в правительстве оставались «смотрящие» за Примаковым от реформаторов: А. Н. Шохин, М. М. Задорнов и другие, чуть что бежавшие «стучать» патрону.

Евгений Примаков был наиболее значимым премьером постперестроечной России. Это признают все: левые, центристы и либерал-реформаторы. Он смог подтвердить результатами деятельности в качестве премьера свой прежний авторитет, сложившийся в научных академических кругах, у разведчиков и дипломатов, среди простого народа. На фоне все более опускавшего и впадавшего в алкогольную зависимость Ельцина политическая фигура Примакова привлекала многих среди правящей элиты страны. На него, как возможного политического лидера стали делать ставку представители региональной элиты, олигархи. Евгений Максимович это прекрасно чувствовал, и, видимо, решил поднять планку в своей государственной карьере. Он вступил в заметную борьбу с Б. А. Березовским и «семьей» и проиграл ее. Через восемь месяцев правительство Примакова было отправлено в отставку, а ельцинская эпилептическая лихорадка продолжилась.

Новым премьер-министром стал Сергей Степашин. В его правительстве, действовавшего с мая по август 1999 года, появляются фигуры М. М. Касьянова, М. Е. Фрадкова, С. В. Калашникова, В. Б. Христенко, А. Я. Лившица. С этого момента начинается резкое восхождение к вершинам власти «питерской команды»: И. И. Клебанова, В. И. Матвиенко, И. А. Южакова, а с 9 августа и В. В. Путина – в ранге первого заместителя главы правительства.

На этот раз президент Ельцин проявил завидную оперативность и, окончательно выбрав себе «преемника», в тот же день издал новый указ об отставке правительства Степашина и назначил временно исполняющим обязанности премьер-министра В. В. Путина. С этого времени и следует считать начало эпохи путинизма в России. Правда, первое правительство Путина не претерпело больших изменений по сравнению с прежним. Все действия аппарата были брошены на выборную кампанию по избранию «преемника»-Путина президентом России.

Стратегия развития без развития

С избранием Владимира Путина президентом России правительственная чехарда прекратилась, наступила устойчивая кадровая стабильность, переходящая в застой. Восхождение на политический олимп для Путина было неожиданным. Он не прошел через горнило борьбы за власть, не имел своей команды управленцев, такого отряда проверенных бойцов. Поэтому президент при подборе людей для своего окружения пошел по самому легкому пути, сделал упор на лично знакомых и преданных питерцев и силовиков, вне зависимости от их профессиональной пригодности. Ключевые посты в правительстве заняли А. Л. Кудрин, Г. О. Греф, С. Б. Иванов, И. И. Клебанов, В. И. Матвиенко, И. А. Южанов, Л. Д. Рейман, Б. В. Грызлов, Г. М. Фадеев, В. А. Яковлев, Ю. П. Шевченко и другие.

С этого момента началось настоящее «нашествие» петербургской орды в высокие московские кабинеты. Об их некомпетентности в наше время не пишет только ленивый. Трудно подсчитать, какой политический и финансовый ущерб принес стране этот «наплыв» в своей основе бездарных людей из второй столицы, подбираемых по принципу «одноклассников», «однотруппников» и кафедральных сотрудников. Неконтролируемые финансовые потоки основных государственных монополистов, равно как и немалые средства федерального бюджета были переключены на сомнительных бизнесменов из Питера. В короткое время система «обогащения своих» обеспечила сытую жизнь для многотысячного отряда приезжих чиновников на многие лета и сделала их опорой путинского режима, а в последующем и теперешнего «тандема». Одним словом, ставили задачу добиться максимальной эффективности работы сотрудников государственной службы, а получили в итоге надменную касту, которая считает эту службу разновидностью преуспевающего бизнеса.

Не мудрствуя лукаво, новый президент В. В. Путин, премьер-министр М. М. Касьянов продолжили прежний курс инерционно-рыночной политики. Этот курс, показавший за десятилетний период свою полную несостоятельность, приведший страну к созданию олигархическо-бандитского капитализма, стал проводиться с еще большей настойчивостью. Объявленная правительством долгосрочная программа рыночных реформ предусматривала снижение инфляции всевозможными способами, дальнейшую приватизацию государственной собственности и вытеснение государства из экономики, снижению инвестиций в науку, образование, культуру, медицину, на поддержку малоимущих слоев населения. Итогом этого «затягивания поясов» должно было стать удвоение ВВП в течение пятилетия. Иллюзорность и конъюнктурность этой программы видна была даже младенцам. Как не вспомнить китайский лозунг времен культурной революции: «Двадцать лет упорного труда – и десять тысяч лет счастья!» Тем не менее, другие варианты стратегического развития, предлагаемые научным сообществом страны финансово-экономическим блоком правительства (Касьянов, Греф, Кудрин) категорически отвергались, некоторые даже не рассматривались. С самостоятельными концепциями экономического развития страны в то время выступили академики РАН Л. И. Абалкин, Д. С. Львов, А. Г. Гранберг, С. Ю. Глазьев, В. Л. Макаров, Н. П. Шмелев, В. В. Ивантер, члены-корреспонденты Б. Н. Кузык, Г. Б. Клейснер и другие известные российские ученые. Эти стратегии (их уже 14) широко представлены и систематизированы в научных публикациях. (Сизов В. С. Стратегическое управление воспроизводственным процессом. – М., 2004, Е. И. Кузнецова. Развитие концептуальных стратегий и экономическая стратегия государства. – М., 2008).

В то же время в руководстве страны понимали, что устаревшую монетаристскую концепцию развития надо осовременить и приукрасить научной терминологией, сделать ее привлекательной для общественности, словом, хорошенько пропиарить. Герман Греф – министр экономического развития со своим Центром стратегических разработок (ЦСР) и

занился этой работой, сделав упор на стратегическое планирование и создание инновационной системы в стране. Стратегическое планирование, применяемое в странах АСЕАН, Японии и Южной Кореи, доказало свою высокую эффективность. Кстати, зарубежные ученые, занимающиеся этой проблематикой, дают положительную оценку многим разработкам, применявшимся в работе Госплана СССР.

Ведомство Греха в 2000 году начало разработку долгосрочной стратегии социально-экономического развития страны на 2001–2010 гг. и, судя по количеству выданных печатных страниц, потрудились на славу. Программа была успешно разработана и в целом одобрена правительством, но отправлена на доработку. Затем Герман Оскарович несколько раз пытался ее подписать у президента, но окончательно она так и не была принята. Зато правительство 10 июля 2001 г. утвердило план своих действий в области модернизации экономики – Программу социально-экономического развития России на среднесрочную перспективу (2002–2004 гг.). Затем появляются Программа развития на 2003–2005 гг., а также Программа социально-экономического развития на среднесрочную перспективу (2006–2008) гг.). Еще не «очухались» от этой, как дается команда разрабатывать новую программу, долгосрочную, до 2020 г. Прямо как дети песочных «куличей» напекли – шлеп-шлеп! – и готово! Получается, что за пять лет было принято четыре программы развития экономики России с временным нахлестом одна на другую. И что же? Кто-нибудь слышал о том, что премьер-министры М. М. Касьянов, М. Е. Фрадков или В. А. Зубков отчитались о выполнении этих общегосударственных программ перед президентом страны? или перед Госдумой? Или перед Советом Федерации? Нет, конечно, никто не слышал. Применяющиеся во всем мире методы контроля у нас не практикуются. Складывается ощущение, что выполнение этих программ никто проверять и не собирался. Зачем? Я думаю, что главное было не в серьезном налаживании работы, главное было показать, что к власти пришел серьезный человек, мудрый «отец нации», думающий на перспективу. Показали. Надули щеки. Можно теперь спокойно выдохнуть. А про долгосрочные стратегии можно и не вспоминать. Что там думать – даст бог, цены на нефть не упадут, проживем.

А ведь разработка этих стратегий стоила огромных денег, в том числе в валюте, так как к работе привлекались многие зарубежные экспертные компании. Как говорится, деньги – коту под хвост! Но обидно не то, что деньги пропали, а то, что программ действия, то есть, осмысленной политики на перспективу у руководства страны так и нет.

Мы, как бегуны-спринтеры, не остановившись, не отдышавшись, не оглянувшись на пройденную дистанцию, передаем эстафетную палочку новым бегунам, которым ставят новые стратегические и тактические задачи, чуть-чуть обновленные тренерским составом. Эти тактики и стратегии разрабатываются в спешке, и в их основе используется догоняющая методика. К слову сказать, если внимательно всмотреться в нашу реальность, то у нас главные тренеры-советники не меняются уже почти двадцать лет, несмотря на провалы в экономике и в социальной сфере. Они, как жрецы-идолы, в свойственной им безапелляционной манере всезнающих теоретиков продолжают нам указывать лучезарные перспективы будущего России, хотя по-доброму, их надо гнать поганой метлой и не верить ни одному их слову. К главным советникам можно отнести А. Чубайса, В. Мау, А. Кудрина, Я. Ясина, Я. Кузьмина, Э. Набиуллина и других. Здесь уместно привести высказывание академика Дмитрия Львова: «К сожалению, мы переживаем такой период в истории, когда власть вообразила, что сама представляет собой науку и поэтому в научной экспертизе своих решений не нуждается. Известны две беды России: дураки и дороги. Но есть третья, которая страшнее этих двух: когда дураки указывают дорогу». (Элита России. 2005. Август – сентябрь. С.5)

Мы уже говорили, что Российская академия наук практически отстранена вышечисленной группой горе-теоретиков от стратегического планирования развития страны. Мудрые мысли и предложения высказал по этому поводу на страницах «Аргументы недели»

академик РАН, генеральный директор Всероссийского НИИ авиационных материалов, профессор Евгений Баблов: «Необходимо срочно и резко изменить роль и статус РАН. Необходимо вернуть те права, которые были всегда. Именно академия должна давать окончательное заключение о научной обоснованности, технологической реализуемости любого крупного государственного проекта.

В советское время работала специальная комиссия Академии наук под управлением академика Владимира Котельникова, которой подчинялись все министерства, включая Госплан. Они делали научно-технологический прогноз, анализировали всю ситуацию в области науки и техники, вместе с комитетом по науке и технике готовили перспективы развития. И это научное мнение самостоятельно шло в правительство, минуя чиновников. На базе этого прогноза разрабатывался народно-хозяйственный план на пять лет развития страны. Сейчас этого нет. Вообще нет.

Я еще в декабре 2007 года говорил президенту Владимиру Путину: как мы можем развиваться, когда нет стратегии развития страны, нет научно-технологического прогноза? О каких перспективах можно говорить, если власть даже не понимает – куда идет страна.

Сейчас выпущена «Стратегия-2020», создана комиссия по ее реализации. Смотрим, кто там работает: те же уважаемые экономисты, юристы и прочие. Ни одного серьезного технократа. РАН от разработки и реализации отодвинули. Оппонентов из числа серьезных ученых слушать не хотят».

Горькие слова академика, но что-то незаметно, чтобы кто-то их услышал. Видимо, перечисленные выше «мудрецы» серьезных изданий не читают. Вот если бы труды Академии издавались в виде комиксов...

Аналогичные явления происходят и с разработанными и утвержденными планами по созданию инновационной системы. В 2002 году президент РФ В. В. Путин утвердил «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий до 2010 г. и на дальнейшую перспективу», были приняты федеральные целевые программы: «Исследование и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технического комплекса России на 2006–2012 годы», «Развитие инфраструктуры наноиндустрии в Российской Федерации на 2008–2010 годы», «Научные, научно-педагогические кадры инновационной экономики России на 2009–2013 годы» и другие. Вопросы инновационной политики рассматривались на Госсовете, на слушаниях в Госдуме, на различных форумах. Однако все эти меры не принесли желаемых результатов. Слова «инновация», «инновационный» повторяются тандемом к месту и не к месту. Но конкретно ничего не делается. Экономика страны продолжает терять конкурентоспособность и не становится инновационной. Так, в рейтинге 133 стран по конкурентоспособности на 2009–2010 гг., Россия опустилась с 51-го на 63-е место. Вследствие снижения инновационной активности отечественных производителей доля России на мировом рынке наукоемкой продукции в 2008 г. составила менее 0,3 %, тогда как США – 36, Японии – 30, Германии – 17 %.

А как же состояние дел со стратегией развития в министерствах, на отраслевом, так сказать, уровне? Начнем с нашего экономического монстра и главного ответчика за судьбы промышленности – Министерства промышленности и торговли. Виктор Христенко является признанным старожилом кремлевских кабинетов. В ранге вице-премьера он недосыпаем, а по времени ношения министерского портфеля уступает только Сергею Шойгу. Он является кадровым продуктом либеральных реформ и по-солдатски служит им уже более двадцати лет. За это время над его головой пролетало много вихрей и даже бурь, высокочтимые белодомовские кресла трясло, как при цунами, а он, наперекор всему, оставался в строю, а в смутные времена дважды на несколько дней оказывался хозяином дома на Краснопресненской – исполнял обязанности премьера (после отставки сначала С. Кириенко, а затем М. Касьянова). Такую аппаратную живучесть нельзя объяснять магическим везением,

здесь заложена какая-то другая загадочная парадигма, которая позволяет Виктору Борисовичу умело обходить политические рифы и оставаться у кормила власти. И пережить семь (!) глав правительств!

Сложилось общее мнение, что «крестным» Христенко был Анатолий Чубайс, приметивший в фигуре челябинского вице-губернатора, возглавлявшего штаб по выборам президента Ельцина в 1996 году, достоинства, которые могли пригодиться при проведении реформ. Вскоре Христенко становится замом министра финансов, а при утверждении правительства Сергея Кириенко взлетает на должность вице-премьера по экономическому блоку. Дефолт 1998 года как-то стороной обошел Христенко, больше всего склоняли Чубайса, Кириенко, Дубинина, Задорнова, Немцова. Просидев некоторое время при примаковском правлении на Ильинке, Виктор Борисович получает приглашение в правительство уже от Сергея Степашина, становится первым вице-премьером. С мая 1999 года он больше не покидает Белый дом – до февраля 2012 года. Непонятно за какие заслуги Христенко возглавил в настоящее время исполнительный орган Евразийского экономического пространства.

В одной из статей, характеризующих деятельность В. Б. Христенко, отмечалось: «Христенко как будто специально провели по всем важнейшим сферам управления – регионы, бюджет, Дума, международные организации, макроэкономика, ТЭК. Нигде он не допустил серьезных ошибок, нигде не сделал и ничего особенно выдающегося, но везде придумывал очень правильные проекты «на перспективу». Опыт накопил такой, что теперь впору идти в премьеры». Насколько правильно он придумывал проекты «на перспективу» нам и хотелось бы разобраться. И не столько в верности его стратегических задумок, сколько в результатах их воплощения в жизнь, и чем это в итоге оборачивалось для экономики страны.

Уход правительства Михаила Касьянова в 2004 году уменьшил, с формальной стороны, возможности Виктора Христенко в правительственной иерархии, он потерял пост вице-премьера, но ему досталось одно из самых весомых министерских кресел – Министерство промышленности и энергетики. Помимо ТЭКа в структуре министерства важное место занимали авиапром, автопром, химпром и многие отрасли машиностроения. Именно в этом многообразии отраслевого хозяйства Виктор Христенко и увидел перспективу для удовлетворения своего неутомимого стратегического таланта. Буквально за два года министерство, по выражению замминистра Андрея Дементьева, стало «фабрикой по производству стратегий», было разработано 15 стратегий по развитию различных отраслей производства. Ни одну из написанных стратегий, считает А. Дементьев, нельзя считать неуспешной.

Выступая перед кадровым активом ведомства в Казани в 2010 году, он заявил, что именно с этого времени и надо вести отсчет настоящей промышленной политики в современной России, поскольку раньше считали, что «лучшая политика для открытой экономики – это ее отсутствие». Блеснул тогда Андрей Владимирович и интересными философскими размышлениями: «Кризис наглядно показал, что только активная и осознанная экономическая политика и правильные инструменты управления ею позволяют спокойно относиться к любой стадии развития. Нравится нам это или нет, но кризис – это тоже стадия развития, и через такие периоды мы вынуждены проходить регулярно. И то, как мы способны проходить периоды спада, и есть показатель правильности или неправильности промышленной политики и, следовательно, нашей конкурентоспособности». Оказывается, есть у Христенко и поклонники!

С другой стороны, что взять с А. Дементьева? Он шагает нога в ногу с патроном уже двадцать лет. В одно время учился с ним в Челябинском политехническом институте, работал на соседней кафедре, а с момента старта чиновничьей карьеры Христенко неотступно следует по его стопам: в Челябинске он дослужился до первого зама директора департамента по имущественным отношениям. Затем переезд в Москву и работа в секретариате вице-пре-

мьера, а с 2004-го – в министерстве, буквально через год становится заместителем министра. Разве ж можно выступать супротив кормильца-поильца?

Но вернемся к программам. Абсолютное большинство перспективных планов рассчитаны до 2020 года, но некоторые заглядывают еще дальше: стратегия развития электронной промышленности до 2025 года, энергомашиностроения до 2030 года. Правда, некоторые стратегии еще не успели обновиться. Это касается стратегий развития до 2015 года: авиационной, химической и нефтяной промышленности, транспортного машиностроения. К этому следует добавить еще 7 Федеральных целевых программ, заказчиком-координатором которых является Минпромторг РФ. С учетом этого дополнения получается уже не «фабрика стратегий» (по Дементьеву), а огромный холдинг стратегического планирования министерства. Понятно, к разработке планов развития привлекаются много «своих» и иностранных экспертных компаний. В общем, на имитацию деятельности тратятся огромные бюджетные деньги.

В развитии этого холдинга стратегий, а проще сказать, безудержного и безответственного бумаготворчества, и обозначилась основная роль бывшего министра Христенко. А как это сказывалось на развитии отечественной промышленности? Известно всем, что просто никак! (О месте индустрии в народном хозяйстве страны все больше остаются только воспоминания.) И мы приходим к главному смыслу деятельности Христенко: стратегия развития – без развития. Или, по-другому говоря, многие годы идет христенковская имитация бурной деятельности, которая рассчитана на пиар известного либерала и демократа. Однако достигнуть удалось, скорее, обратного. Годы, проведенные В. Б. Христенко в правительстве, обнажили его профессиональную непригодность в качестве руководителя ведущего министерства, вопиющую некомпетентность в организации промышленного производства. Вся его многолетняя деятельность ничего кроме вреда национальным интересам России не принесла.

Чтобы не быть голословным, рассмотрим вкратце результаты работы этого человека в одной из возглавляемых им отраслей – отечественного авиапрома.

Стратегия развития авиационной промышленности на период до 2015 года была одобрена правительством осенью 2005 года. Широко разрекламированная министерством, она предусматривала решение шести стратегических задач для возвращения России в число лидирующих авиастроительных держав мира. Намечалось дальнейшее продвижение на рынок находящихся в серийном производстве магистральных Ил-96, Ту-214, Ту-204-100/120/300, Ту-334 и региональных самолетов Ил-114, Ан-140, Фр-38. К числу «прорывных продуктов» относились Суперджет-100, Ан-148, а также продукция отечественной авиатехники в рамках RRJ и MC-21. Начиная с 2008 года, предусматривалось производить 40–50 пассажирских самолетов. Но стратегия развития авиапрома была бездарно провалена. Другой оценки трудно подобрать. В 2006–2007 гг. поставлено по 7 машин, 2008 – 10, 2009 – 14, 2010 – 7 самолетов (два Ту-204, один Ту-214, и 4 Ан-148). Не начаты поставки самолетов Суперджет-100 (сертифицирован только в феврале 2011 года), не выполнены принятые сроки изготовления и поставки Ил-96-300, Ту-204 и их модификаций.

На одном из заседаний Совбеза президент Дмитрий Медведев раскритиковал авиапром. Он заявил, что отечественные самолеты не должны проигрывать иностранным ни по уровню шума двигателя, ни по расходу топлива, ни по дальности полета. Глава государства назвал положение в авиастроении как достаточно унылое и выразил недовольство качеством лайнеров. Это заявление президента прозвучало диссонансом дифирамбам авиапрому В. В. Путина на конференции «Единой России» в Брянске. Он, в частности сказал: «В сложный период кризиса мы не отказались от поддержки авиастроительной отрасли. В 2009–2010 гг. на поддержку авиапрома было направлено 200 млрд. рублей.

В итоге нам удалось обеспечить реализацию всех проектов, с которыми связано будущее нашей авиации – как гражданской, так и боевой». Что касается гражданской авиации – мы только что привели примеры о ее почти полнейшем крахе. Факты просто убийственные. С даже с 2000 года производство гражданских пассажирских самолетов уменьшилось в разы, с 80-ми годами и сравнивать не хочется, боюсь, сердце не выдержит. По поводу боевой авиации скажу, что и там обстановка, скорее всего, не лучше, что показала, в частности, война с Грузией. Но самое главное, Путин, рассуждая о «реализации всех проектов», уводит нас от мысли: кто же несет ответственность за развал самолетостроения?

Далее. Путин говорит о поддержке авиапрома в кризисные два года в размере 200 млрд. рублей. Лучше бы он эту сумму не называл. Она звучит кошунственно на фоне государственной поддержки кредитами 17 коммерческих банков. Им было роздано 400 млрд. рублей, вдвое больше! Немалая часть этих средств, как сообщала Счетная палата, сразу же ушла на заграничные счета.

Возвращаясь к руководству Минпромторга авиапромом, нельзя не отметить некритический подход к результатам его деятельности. Виктор Христенко неоднократно заявлял, что в авиастроении непреодолимых проблем нет, даже в период кризиса. Его можно понять, он же стратег развития. Какие для него могли быть препятствия? Бумага гладкая, финская, – пиши себе да пиши! Столь же оптимистично настроен и недавно назначенный новый директор департамента авиационной промышленности Юрий Слюсарь. На презентации итогов 2010 года он уверенно заявлял журналистам: «В целом в области авиационной деятельности происходят позитивные изменения, отмечается рост показателей в отрасли». (Еще бы, мы все же произвели 7 самолетов, это при том, что Боинг построил более 500). Слюсарь так же, как и его шеф, склонен к стратегическим размышлениям. Он, к примеру, сообщил, что «для учета мировых тенденций по расширению интегрированной логистической поддержки высокотехнологичных изделий разработаны и совершенствуются методы и технологии перехода к продаже жизненного цикла продукции, что является необходимым условием обеспечения глобальной конкурентоспособности и приносит 50 % от общего объема выручки». Вот куда мы смотрим, вот как будем бороться за «продажу жизненного цикла продукции». Пока руководители отрасли будут нести эту абракадабру, авиапром, боюсь, прикажет долго жить...

Я много раз сталкивался с такими ситуациями и твердо усвоил одну вещь: чем лучше специалист, тем проще и доступнее он может рассказать о любой, даже самой сложной проблеме или технической новинке. Потому что он понимает ее и изнутри, и во всех взаимосвязях с внешним миром. А тупой исполнитель, не разбирающийся в вопросе, способен лишь долдонить заученную наизусть шпаргалку.

Теперь ясно, чем руководствовался Христенко, заменяя Владимира Бабкина – специалиста по самолетостроению, на нового руководителя департамента – выпускника юридического факультета МГУ. А может быть, действительно в наше время директору крупнейшего технического департамента министерства не обязательно иметь инженерное образование? Сейчас ведь на слуху все больше не технические термины, а такие, как договор, контракт, лизинг, продажа, выручка, распил, инвестиции и т. п. Конечно, бывают исключения, когда у такого «выдвиженца» в непосредственных начальниках оказывается крупнейший профессионал отрасли. В данном случае я имею в виду непосредственного начальника Слюсаря, заместителя министра Дениса Мантурова, который и рулит департаментом авиационной промышленности. Но и здесь неудача! Мантуров и сам закончил МГУ по специальности «социология», правда учился дальше в Академии Госслужбы, и получил диплом по специальности «юриспруденция». Если еще учесть, что и сам В. Б. Христенко по специальности экономист по строительству, то, надо признать, знатная получается компания авиастроителей! Представляю, какими бы словами гнал их всех с завода кто-нибудь из стариков, тот же

А. Н. Туполев! Мало бы не показалось ни самим юристам-экономистам, ни их уважаемым матушкам.

Вот так Христенко и руководит авиапромом. И не только авиа-, а и горемычным автопромом, куда, по мнению экспертов, за нулевые годы было вложено более 60 млрд. долларов бюджетных средств. А результаты? Они хорошо известны! Тольяттинский автогигант отдан, по сути дела, на откуп французам и японцам. «Стратегии» Минпромторга, да и правительства, так устроили «отверточное» производство иномарок в России, что оно выгодно только иностранцам, а бюджет теряет десятки миллиардов долларов. Положение дел в сельхозмашиностроении, судостроении, станкостроении просто провальное по основным параметрам выпускаемой продукции.

Как-то прочел в «Аргументах недели» (№ 14 (306), 2012) интервью со знаменитым летчиком-испытателем, Героем Советского Союза Игорем Волком, которое называется «Приехали!». Хочется привести здесь небольшой его фрагмент, поскольку полностью разделяю слова прославленного русского аса.

«— В России за последние дни сразу несколько авиакатастроф. Налет пилотов гражданской авиации вроде бы приличный, но самолеты падают. Что нужно изменить в системе их подготовки?

— Нужно менять всю систему управления государством. Подготовка пилотов — это частности на общем фоне уничтожения всей отечественной промышленности, и в первую очередь авиационной. Авиастроение — это хребет государства. Каждое рабочее место на самолетостроительном предприятии создает 4–6 рабочих мест у поставщиков комплектующих. Такое же число рабочих мест в металлургии или химии. А еще транспорт, здравоохранение и так далее. Убей авиастроительную отрасль, и ты убьешь почти все остальное.

Поэтому действия нынешних властей по уничтожению отечественного авиастроения можно называть только предательством своей страны...

— Авиастроители пытаются биться за Ту-334. Пишут письма Путину. Есть компании, которые готовы заказать эти самолеты. Но ОАК и структуры, которые должны отвечать за производство авиационной техники, от этого самолета всячески отбиваются. Почему?

— Все региональные самолеты либо устарели и сняты с линий, либо Медведевым запрещены к полетам. Стало невозможно добраться до многих населенных пунктов, особенно в районах Сибири и Крайнего Севера.

В 2000-е годы поднимался вопрос — нет регионального самолета. Затем был объявлен конкурс на его создание. А выиграл его почему-то Михаил Погосян, который заявил, что сделает региональный самолет. Причем за внебюджетные средства. Но так как «Сухой» никогда не делал гражданских самолетов, то у него не получилось создать самолет ни на 50 мест, ни на 75 или 90. В результате вместо небольшого самолета получился «Суперджет» на 100 мест. Причем за счет госбюджета. Но это не региональный самолет, а среднемагистральный. А смысла в нем не было никакого — среднемагистральный Ту-334 был уже сделан, сертифицирован, было выпущено постановление о начале его серийного производства. Но фирма Сухого уже подмяла под себя все. И конкурент ей был не нужен. В результате до сих пор постановление правительства о Ту-334 не выполнено. Кому это было выгодно? Ответ на поверхности.

При этом ни один высокопоставленный чиновник за 20 лет не пострадал. Тот же Христенко, который фактически похоронил нашу авиационную промышленность, и даже посмел заявить, что нашей стране дальнемагистральные самолеты не нужны, просто перекочевал в другое кресло.

— То есть для внутренних перевозок у нас родных самолетов нет...

— Главное для региональной авиации — возможность сесть на любой аэродром. Суперджет такого не позволит. Других уже нет. Зато некие личности активно лоббируют западные

образцы, совершенно не приспособленные к нашим климатическим условиям и аэродромам. Это катастрофа. А высшие чиновники делают вид, что все хорошо. В СССР такими «управленцами» напрямую занимался Комитет госбезопасности. Кто сейчас ими занимается – не знаю».

Мне тоже неизвестно, кто ими конкретно занимается, но именно такие чиновники и идут на взлет в своей карьере. Пока завершалась эта книга, Минпромторг возглавил социолог Денис Мантуров, своим замом назначил юриста Юрия Слюсаря, курирующего теперь авиационную и радиоэлектронную промышленность. Рывок стремительный, но объяснимый. После МГУ он шесть лет в Москве возглавлял звукозаписывающие фирмы. Затем папаша взял его под свое крыло. Будучи генеральным директором крупнейшего Ростовского вертолетного завода, он сразу Юрия назначил коммерческим директором. Здесь же он написал(или написали?) диссертацию на мудреную тему: «Кибернетический подход к организации управления в корпоративных системах». Снова Москва. Помощник Христенко, директор департамента и вот уже не прошло и трех лет, как замминистра.

Вы спросите: а при чем здесь самолеты? Я тоже не знаю. Но уже разработана новая стратегия авиапрома на 2013–2025 гг. В планах не нашлось места лайнерам Ту-204СМ, Ан-148, Ту-334. А по существу отсылаю вас к «Аргументам недели» (от 06.09.2012), где опубликована статья под громким названием: «Спаси страну и авиапром от Мантурова и Погосяна». Необычна и концовка публикации: «Какие силы держат Мантурова в правительстве, а Погосяна во главе ОАК? Почему Путин спокойно смотрит на их подлость? Где его чекистский нюх? Видно же, что у него на груди свили гнездо субъекты, очень похожие на международных аферистов, если не сказать хуже...»

Обреченная реформа

О необходимости проведения административной реформы в России говорил еще Б. Н. Ельцин в президентском Послании Федеральному собранию в 1998 году. К тому времени полнейший провал гайдаровско-ельцинских реформ стал очевидным для многих, вполне обозначилась и пагубность приватизации, особенно в той ее части, что проводилась методом залоговых аукционов. В полной мере выявились неэффективность практически всех звеньев государственного управления и высочайший уровень коррупции среди чиновников высшего ранга, фактически объединившихся с олигархами и сообща растаскивавших природные ресурсы страны. Концепция реформы, которая разрабатывалась М. А. Красновым, Г. А. Сатаровым, А. Б. Оболонским, А. Г. Барабашем, Е. Н. Мысловским и другими, провозглашала усиление регулирующей и контролирующей роли органов исполнительной власти, их реформирование по «вертикали» и по «горизонтали». Однако дальше разговоров дело не пошло. Неожиданно грянул дефолт, и Ельцину в пожарном порядке нужно было созданную им систему исполнительной власти не перестраивать, а спасать. Началась свистопляска с назначением и отставкой премьер-министров, короче говоря, в то время было не до реформ. Скорее всего, уже тогда он задумывался о передаче власти в руки надежного преемника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.